

Конфликт вокруг Архива ММК: зарождение инструментов идеологического демонтажа российской государственности

Цой Л.Н. – канд. социол. наук (использует СМД-подход в конфликтологическом анализе) ¹

Введение

Методология анализа конфликта исходит из простого, но часто игнорируемого принципа: подлинные ценности субъекта проявляются и становятся ясными в конфликте. В обыденной жизни глубинные ценностные установки скрыты за социальными масками, риторикой и демонстрацией лучших качеств. Каждый выдает своё социальное лицо, стремясь выглядеть если не лучше, то, по крайней мере, респектабельнее. Однако в ситуации конфликта, когда ставки высоки и необходимо выбирать между разными версиями себя, между разными онтологическими и цивилизационными ориентирами, человек проявляет себя подлинно. Конфликт обнажает: **что защищается и во имя чего защищается.**

Именно поэтому диагностика ценностных и идеологических расколов требует обращения к реальным конфликтам, а не к декларациям и программам. Конфликт — это наивысший момент поиска истины, в котором скрытое становится явным, а риторика отступает перед действием. Более того, конфликт — это не только диагностика, но и **точка зарождения будущих идей и действий субъектов.** Именно в конфликте кристаллизуются ценностные ориентации, оформляются стратегии, прорастают те смыслы и установки, которые впоследствии определяют поведение сторон в долгосрочной перспективе. Конфликт даёт не только ответ на вопрос «кто есть кто», но и позволяет увидеть «кем они становятся», какие проекты и линии поведения вызревают в его горниле.

При этом парадоксальным образом те самые интеллектуальные инструменты, которые методологическое сообщество разрабатывало для анализа и проектирования социальных систем — понятийный аппарат, технологию проблематизации, рефлексивные процедуры, — **не были систематически применены к самому методологическому движению, к его собственным действиям, текстам и внутренним расколам.** Разрабатывая проекты для внешних заказчиков, методологи не распространили свой инструментарий на

---

¹ <https://conflictmanagement.ru/coj-lyubov-nikolaevna/>

саморефлексию собственного сообщества. Эта «слепота к себе» стала симптоматичной: сообщество, вооружённое самыми передовыми средствами анализа мышления и деятельности, оказалось неспособным диагностировать собственную трансформацию — подмену содержания формой, методологии — техникой управления, а коллективного труда — частным ресурсом.

Наиболее ярким подтверждением этого тезиса является судьба организационно-деятельностных игр (ОДИ). Как отмечает С.В. Попов, задуманные как инструмент культивирования мышления, ОДИ уже на ранних этапах содержали потенциал как для развития, так и для деградации, который впоследствии был реализован Петром Щ. [57]. Чтения памяти Г.П. Щедровицкого, проводившиеся с 2002 года, также превратились в институциональный ритуал, утратив функцию методологической рефлексии и самопроблематизации сообщества.

В конфликте происходит не только обнажение ценностей, но и их **подмена**: вторичные атрибутивные признаки — интерес, выгода, рациональный расчёт, экзистенциальный эгоизм — становятся первичными, вытесняя содержательные ценности. Именно это показал Зиновьев, сформулировав закон экзистенциального эгоизма как фундаментальный механизм социального поведения в ситуации борьбы за ресурсы [3]. Конфликт вокруг Архива ММК стал классической иллюстрацией этого закона: тотальное отождествление понятий «наследство» (юридическое право, частная собственность) и «наследие» (культурное достояние, общее благо) произошло именно в ситуации конфликта, когда интерес и выгода стали основополагающими в принятии решений и действий.

Конфликт вокруг Архива ММК стал тем «зеркалом», в котором методологическое сообщество могло бы себя увидеть, но не сделало этого.

Московский методологический кружок (ММК), созданный Г.П. Щедровицким и просуществовавший более сорока лет, был уникальным явлением в советской интеллектуальной культуре [13]. Его наследие — сотни стенограмм семинаров, десятки организационно-деятельностных игр, тысячи страниц текстов — сразу после смерти основателя в 1994 году стало предметом ожесточённого конфликта [17]. Конфликт вокруг Архива ММК обнаружил глубинный раскол в методологическом сообществе, который впоследствии проявился как противостояние между западно-либеральной идеологией деятельности и группой методологов, сохранивших связь с российской цивилизационной традицией.

Цель настоящей статьи — показать, как в конфликте вокруг Архива ММК зарождались инструменты идеологического демонтажа российской государственности, а также как формировался тип мышления Петра Щедровицкого (далее Петр Щ.) — современный софизм, ведущий к подмене ценностей и разрушению суверенного интеллектуального пространства.

Наследие Г.П. Щедровицкого: прорыв, онтологическая уязвимость и разрыв с Зиновьевым

Системо-мыследеятельностная методология (далее — СМД-методология) Г.П. Щедровицкого была задумана как «практическая философия» — дисциплина, позволяющая инженерно, технологично относиться к гуманитарным и социальным системам [13]. Как характеризуют её сами участники движения, методология — это «дисциплина об общих принципах и формах организации мышления и деятельности», в рамках которой «разрабатываются подходы к анализу и проектированию систем деятельности» [13].

Однако в этом замысле была заложена фундаментальная амбивалентность. С одной стороны, СМД-методология предложила уникальные инструменты анализа мышления и деятельности — организационно-деятельностные игры (далее — ОДИ), основную схему мыследеятельности, категориальный аппарат. Как отмечает В.М. Розин, «тот вариант СМД методологии, который практикуется многими методологами, закрывает возможность подлинного живого мышления» [12]. Оперирование схемами деятельности и мыследеятельности, по его мнению, «вне содержательной проблематизации, гуманитарной установки на новое и неожиданное... пустое формальное занятие» [12].

С другой стороны, именно эта уязвимость — понимание человека как «материала», на котором деятельность «паразитирует» [13] — создала онтологическую предпосылку для инструментализации методологического наследия. Она позволила трактовать человека как объект конструирования, а не как субъекта развития. Впоследствии эта уязвимость была использована Петром Щ. для превращения методологии в инструмент управления «материалом».

Ключевая уязвимость обнаруживается в антропологической онтологии Г.П. Щедровицкого, который утверждал, что человек не рождается, а создаётся. Его принадлежность к человечеству определяется не генотипом, а включённостью в структуры деятельности и

мышления [13]. «Человек есть ячейка внутри развивающейся системы деятельности. Это именно "место", к которому привязаны определённые функции нашего целого» [13].

Истоки этого конфликта уходят в 1950-е годы, когда на философском факультете МГУ сформировался Московский логический кружок (МЛК). Его ядро составили А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин и М.К. Мамардашвили [1; 4]. Это объединение, возникшее как «идеально-содержательная дружба» и интеллектуальный вызов официальной догматике [1; 4], стало точкой сборки для нескольких поколений философов и методологов. Однако к концу 1950-х годов МЛК распался [3; 5]. Причины разрыва, по оценкам современников, были связаны не только с личными расхождениями, но и с принципиальными различиями в понимании предмета и задач логики и методологии [4]. После распада пути основателей разошлись: Зиновьев сосредоточился на формальной логике и затем создал свою «логическую социологию», а Щедровицкий стал бессменным лидером ММК, превратившегося в школу системо-мыследеятельностной методологии [3; 5].

Именно этот интеллектуальный водораздел — наследие общего истока, но принципиально разная траектория движения — и создал ту онтологическую уязвимость, которая проявилась в конфликте вокруг Архива. Как будет показано далее, попытка Петра Щ. приватизировать наследие отца стала не только коммерческим, но и идеологическим актом.

Для ММК связь между А.А. Зиновьевым и Г.П. Щедровицким была принципиальной, хотя и конфликтной. Их союз и расхождение стали одной из определяющих линий развития методологического движения. Как вспоминал сам Г.П. Щедровицкий, их знакомство началось со скандала — карикатуры, нарисованной Зиновьевым, которая должна была высмеять Щедровицкого за нежелание читать Гегеля [1; 8]. Однако после разбирательства на партбюро они сошлись и стали ближайшими соратниками. Вместе с Б.А. Грушиным и М.К. Мамардашвили они составили ядро Московского логического кружка, возникшего в 1952 году [9].

Их сотрудничество продлилось до конца 1950-х годов. Как отмечал Щедровицкий, расхождение было прежде всего социально-практическим: его деятельность в 1957 году «мешала закреплению Зиновьева в Институте философии» [8]. Зиновьев перевёл их расхождения в теоретическую плоскость, опубликовав в 1959 году статью, где утверждал, что работы Щедровицкого и его коллег — «не логика, а смесь логики с психологией» [8].

Позднее Зиновьев вспоминал о Щедровицком сдержанно, называя его «своим учеником, потом отошедшим» [7]. Щедровицкий, напротив, постоянно ссылался на Зиновьева, включив его диссертацию по «Капиталу» в канон своей школы [7]. Их пути разошлись: Зиновьев ушёл в логику и социальную философию, создав «логическую социологию» и теорию человекников; Щедровицкий — в методологию и организационно-деятельностные игры.

По свидетельству участников методологического движения, эта связь оставалась значимой для ММК [4]. Однако в деятельности Петра Щ. она была фактически разорвана: в его работах и публичных выступлениях Зиновьев не занимает того места, которое отводилось ему в ММК [1; 5; 7].

Коммерциализация наследия: конфликт вокруг Архива ММК

Сразу после смерти Г.П. Щедровицкого в 1994 году его сын Петр Щ. попытался закрыть архив и объявить себя единственным правообладателем методологического наследия [16; 18]. Для него архив ММК был не общим достоянием методологического сообщества, а частным наследством, дающим исключительное право на коммерческую монетизацию бренда и методологии. Именно здесь произошло тотальное отождествление понятий «наследство» и «наследие»: юридическое право на частную собственность подменило собой культурное достояние, общее благо [16].

Как отмечается в Открытом письме группы методологов, деятельность ММК на протяжении всего его существования носила «принципиально коллективный характер». Продукты этой деятельности — идеи, тексты, аудиозаписи — «единогласно и безоговорочно признавались общей собственностью всех членов ММК и свободно распространялись и использовались сообществом» [16]. Эти принципы были зафиксированы ещё в 1958 году в документе «Технические принципы работы семинара»: идеи, выраженные отдельными членами ММК, принадлежат всему кружку; все тексты доступны каждому члену и могут свободно распространяться [53].

Архив ММК создавался коллективными усилиями: одни члены кружка записывали семинары и лекции на магнитофон, другие прослушивали записи и расшифровывали их, третьи — размножали и распространяли тексты. Финансовую основу всей работы составляли добровольные взносы членов ММК [53]. Это был не личный архив Г.П. Щедровицкого, а

общее достояние сообщества, существовавшее во многих экземплярах и хранившееся у разных участников движения [53].

Лев Щедровицкий, родной брат Г.П. Щедровицкого, действуя как стратег-предвидящий, увидел в попытке Петра Щ. закрыть архив угрозу превращения наследия в закрытый частный ресурс. Ещё в 1995 году он инициировал издание первого сборника работ Г.П. Щедровицкого — «Избранные труды» [4]. В 1999 году группа под его руководством начала издание серии «Из архива Г.П. Щедровицкого», в которой вышло 9 томов ранее не публиковавшихся работ [4]. В декабре 2003 года он создал альтернативное издательство «Наследие ММК», публично артикулируя угрозу коммерциализации и профанации [17; 18]. Он боролся не за власть — он боролся за доступ, за то, чтобы наследие оставалось в культуре, а не превращалось в частный товар [18].

В феврале 2005 года Петр Щ. и Г.А. Давыдова (вдова Г.П. Щедровицкого) зарегистрировали Некоммерческий научный фонд «Институт развития имени Г.П. Щедровицкого» [9]. Как отмечается в Открытом письме, Фонд «отказался от принципов, положенных ММК в основание своей работы и встал на позиции Copyright, тупиковые для развития методологического движения» [16].

В декабре 2006 года Фонд предпринял юридические действия, направленные на организацию уголовного преследования Льва Щедровицкого, требуя прекратить нарушение исключительных авторских прав и вернуть архивные материалы [16; 53]. Должностные лица Фонда распространяли заведомо ложные сведения о якобы имевшемся несогласии обладателей прав на произведения Г.П. Щедровицкого с издательской деятельностью Льва Щедровицкого, хотя сами наследники и Фонд участвовали в той же издательской программе [53]. Эти действия рассматривались методологическим сообществом как попытка вымогательства архивных материалов и нанесение вреда методологическому движению [53].

Юридически конфликт зашёл в тупик: право не приспособлено к таким объектам, как интеллектуальный архив коллективного авторства [17]. Однако культурно открытая модель, защищаемая Львом Щедровицким, оказалась жизнеспособнее. Наследие Г.П. Щедровицкого продолжило выходить в издательстве «Наследие ММК» и в других независимых проектах, оставаясь доступным для сообщества [1; 2; 3; 4].

Трансформация проблематизации в технологию коммунальной конфликтизации

Ключевым моментом институциональной деятельности Петра Щ. стала трансформация базового инструмента СМД-методологии — технологии проблематизации. Как отмечает Ю.В. Громыко, Пётр Щедровицкий, «имея методологическую подготовку, перевёл технологию проблематизации, этот базовый для СМД-методологии и ОДИ способ действия, в технологию коммунальной конфликтизации и управления групповой динамикой — тусования групп под заранее согласованное с начальником решение, и передал эти методики ряду политических менеджеров» [29].

Игры, проводимые Петром Щ., захватывают и погружают участников в иную реальность, создавая эффект вовлечённости и эмоционального подъёма. Однако этот эффект не имеет отношения к СМД-методологии. Он относится к психотехническим практикам управления групповой динамикой, которые были заимствованы из западных тренинговых технологий. Внешняя схожесть с ОДИ — многодневный формат, групповая работа, интенсивная коммуникация — создаёт иллюзию методологической глубины, но подлинная проблематизация и рефлексия в них отсутствуют. Это не мыследеятельность, а её имитация.

Это означало подмену **содержательного конфликта** (столкновение целей, представлений и способов деятельности, становящееся ресурсом развития) **коммунальным конфликтом** (борьба за позиции, власть и ресурсы, ведущая к деградации) [14; 15].

Гений Г.П. Щедровицкого состоял в создании особого ритуала и технологии проблематизации в форме ОДИ, который был обязательно связан с самопроблематизацией организаторов и руководителя игры. Задача состояла в том, чтобы в ходе многодневной работы люди вышли за границы известного и начали разрабатывать новое знание, намечать новый способ действия в неопределённой ситуации [53]. Проблематизация, в понимании Г.П. Щедровицкого, была направлена на выявление коренных противоречий и превращение их в предмет коллективного мышления. Она требовала от организаторов постоянной рефлексии собственной позиции, готовности пересматривать свои установки и допущения. Организатор ОДИ не мог оставаться «над» процессом — он был его частью, и его собственная мыслительная деятельность становилась предметом анализа наравне с деятельностью всех других участников.

В отличие от этого, в тренингах и стратегических сессиях, проводимых Петром Щ., нет ни получения нового знания, ни выделения нового предмета действия со стороны власти. Организаторы таких тренингов себя не проблематизируют [53]. Петр Щ. создал «беспроблемные социоориентационные сборища», которые получили название

всевозможных проектных сессий и тренингов, совпадающих по своему устройству с западными аналогами. Основная функция этих тренингов — социальное «переопознание» и закулисный передоговор, подтверждение доверительных социальных отношений и новая социализация в связи с изменившимися возможностями [53]. В них нет места подлинной рефлексии: участники не ставят под сомнение собственные установки, а лишь адаптируются к заданной сверху логике.

«В присутствии Г.П. Щедровицкого "крутое" начальство боялось размышлять, ибо дурь будет видна. Сегодняшнее начальство спокойно проводит бесконечные стратегические сессии, не имея ни малейшего представления о мышлении» [53]. В этой фразе схвачено принципиальное различие двух эпох и двух пониманий методологической работы.

Проблематизация — это не просто приём, это онтологическая основа методологии. Её устранение означает не просто смену формата работы — это уничтожение самого ядра СМД-подхода. Там, где исчезает проблематизация, методология перестаёт быть методологией. Остаётся внешняя форма — игры, сессии, тренинги, — но её содержание становится иным: она обслуживает не развитие мышления, а подтверждение статусов и согласование интересов уже сложившихся групп.

Именно эту операцию и осуществил Петр Щ.: он сохранил внешнюю атрибутику методологической работы, но лишил её внутреннего содержания. В его руках ОДИ превратилась из пространства коллективного мышления в технологию управления групповой динамикой. Это не развитие методологии, это её редукция — сведение сложного, многомерного инструмента к плоской технике, пригодной для манипуляции. И эта редукция стала основой коммерческого успеха Петра Щ.: упрощённая, безопасная для начальства, лишённая риска подлинной проблематизации версия методологии оказалась востребованной в управленческой практике. Цена этого успеха — разрыв с тем, что составляло суть методологического наследия Г.П. Щедровицкого.

От методологии к современному софизму

Описанная трансформация — подмена содержательного конфликта коммунальным, проблематизации — риторикой, методологии — техникой управления групповой динамикой — означает, что деятельность Петра Щ. представляет собой не развитие методологии, а её вырождение в **современный софизм**.

Софистика в переводе с греческого означает «учение о мудрости», однако в истории за этим термином стойко укрепилось представление об искусстве фальсификации, сознательном применении в споре всевозможных способов для доказательства отстаиваемого положения, не заботясь об его истинности [4]. Аристотель, различая диалектику и софистику, утверждал, что «между диалектическим методом и софистикой существует непроходимый водораздел, состоящий в различии цели — ценностных установок» [4]. Диалектика изучает предмет в его развитии, двигаясь к постижению сущности; софистика же отталкивается не от ценности истины, а от выгоды, успеха, победы в споре любой ценой [4].

Методология без проблематизации и самопроблематизации перестаёт быть методологией и становится софизмом — набором риторических приёмов, создающих видимость глубины и обоснованности, но на деле обслуживающих внешние по отношению к познанию цели. Именно это произошло в случае Петра Щ., который, имея методологическую подготовку, превратил базовый для СМД-методологии способ действия в технологию управления групповой динамикой, «тусования групп под заранее согласованное с начальником решение» [29], превратив тем самым методологию в инструмент политтехнологии и современного софизма.

Однако этим вырождение не ограничивается. Софизм Петра Щ. имеет и второе измерение — идеологическое. Методологический аппарат, превращённый в софистический инструмент, используется не просто для достижения узких целей заказчика. Он используется для легитимации западно-либеральных моделей управления и мышления в российских органах власти. Внешняя нейтральность методологического языка — схемы, понятия, риторика СМД-подхода — маскирует ценностное содержание: за ней стоит утверждение приоритета делового интереса над коммунальным, индивидуализма над солидарностью, технократической эффективности над исторической преемственностью. Это уже не просто техника, это идеология.

Методология, лишённая содержательной проблематизации и самопроблематизации, становится идеологическим оружием. Она перестаёт быть способом выработки нового знания и превращается в способ легитимации уже принятых решений, в инструмент подтверждения статусов и закрепления властных отношений. Софизм Петра Щ. — это симптом глубинного процесса, в котором методологическое наследие, созданное как инструмент освобождения мышления, становится инструментом его подавления. И этот процесс не случаен: он закономерно вытекает из того выбора, который был сделан в

конфликте вокруг Архива ММК, когда «наследие» было подменено «наследством», а общее достояние — частной собственностью.

«Русский мир»: коллективная разработка, приватизация и идеологический поворот

В современной научной литературе сложилось мнение, что понятие «Русского мира» введено в научный оборот Петром Щ. в 1990-х годах [6]. Однако это утверждение требует уточнения: концепция рождалась в ходе коллективных разработок методологического сообщества, а её авторство стало предметом приватизации.

Понятие «Русского мира» впервые было введено Ю.В. Громько и его группой на одной из ОДИ по заказу Заутлина; результатом этой работы стала статья в «Независимой» — «Собирание русского мира или на задворках СНГ-дипломатии?» (1998) [7]. В 2000 году Петр Щ. опубликовал программную статью «Русский мир и транснациональное русское» [2; 8]. Вместе с ним над концепцией работали Сергей Градировский и Ефим Островский [1; 4].

В своей статье Петр Щ. определял Русский мир как «сетевую структуру больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» [2; 8]. «Не секрет, — писал он, — что на территории, очерченной административными границами РФ, проживает едва ли половина населения Русского Мира» [8]. Вводя понятие «русского капитала», он рассматривал Русский мир как стратегию поддержки русского человеческого капитала за границами России [6; 8].

Принципиально важно, что концепция «Русского мира» (далее — РМ) у Петра Щ. изначально была космополитичной и транснациональной. Он прямо заявлял: «Основы устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах Русского Мира, в политике конструктивного развития его мировых сетей» [8]. Фактически он предлагал российской государственности опираться не на собственных граждан, а на представителей русско-говорящей диаспоры за границей [1]. Как отмечает доктор философских наук Дмитрий Винник, в основе идеи Петра Щ. лежала «типично русского завоевания мира с помощью гуманитарных технологий» [1]. Элемент русскоязычия предполагал, что «модератором» Русского мира могла быть и не Россия [8].

Эта космополитическая направленность принципиально отличалась от того, как концепция впоследствии была интерпретирована и использована российской властью. С помощью Владислава Суркова идея РМ была принята российской администрацией [1]. Уже в 2007 году

Владимир Путин издал указ о создании государственного фонда «Русский мир» и ввел это словосочетание в свою риторику [1]. Как отмечает исследователь, «за интеллектуальными идеологами глобального русского мира явились духовные силы» — концепцию «с удовлетворением принял "Всемирный русский народный собор" и, соответственно, благословил патриарх Кирилл» [1]. Произошла прагматизация идеи: «очень быстро идеология РМ вернула не столько культурное самосознание, сколько сознание традиционно имперское, обогащенное теперь большевистским проектом мировой революции, сталинистским проектом мировой державы, православным проектом третьего Рима, и путинским проектом интеграции всего, что плохо лежит» [1]. Концепция приобрела «россияцентричность» и цивилизационные основания, чего у Щедровицкого не было [8].

Петр Щ., комментируя судьбу своей концепции, признавал: «Я вел в России борьбу за продвижение этих идей в течение 10 лет — и борьба завершилась поражением». Он констатировал расхождение его РМ с тем, что приняла власть, поскольку его видение было космополитичным и регионоцентричным, а не имперским [1].

Показательно, что после начала специальной военной операции (далее — СВО) Петр Щ. занял позицию, враждебную российскому государству, превратившись из автора космополитической версии «Русского мира» в его отрицателя, а затем — в публичного русофоба. Сергей Градировский, один из соавторов концепции, после начала СВО покинул Россию и обосновался за границей, где стал одним из авторов антироссийского телеграм-канала и открыто участвует в информационной войне против России, продолжая развивать логику, заложенную Петром Щ. в концепцию «Русского мира» [1; 4].

Этот поворот не был ситуативным — он был предзадан самой логикой конфликта вокруг Архива ММК. Уже в 1994 году, когда Петр Щ. попытался закрыть архив и объявить себя единственным правообладателем, проявилась та же установка: наследие — не общее достояние, а частный ресурс; интеллектуальная традиция — не ценность, а инструмент; коллективный труд — не основа для развития, а препятствие для коммерциализации. Конфликт вокруг Архива стал первой репетицией идеологического разрыва: тогда — с сообществом, позже — с самой Россией.

22 июня 2022 года Петр Щ. дал интервью журналисту Михаилу Зыгарю, в котором осудил действия России и заявил, что прекратил всякое сотрудничество с российскими правительственными учреждениями [1]. В своих публичных выступлениях он отрицал российскую государственность: «я не считаю, что Российская Федерация — государство»,

утверждал, что «в Советском Союзе не было государственности», сравнивал Украину с Нидерландами, а Россию с Испанией времён известной войны, и публично рекомендовал перечитывать «Майн Кампф» для понимания СВО, заявляя: «Замените евреев на украинцев, получите то же самое» [1]. Он проживает в Латвии и стал рупором сбежавших за рубеж иноагентов.

Таким образом, Петр Щ. из автора космополитической версии «Русского мира» превратился в его отрицателя, а затем — в публичного русофоба. Этот путь не был случайным: он закономерно вытекал из изначальной установки, проявившейся уже в конфликте вокруг Архива ММК. Тогда, в 1994 году, речь шла о власти над архивом — о контроле над текстами, доступом, интерпретацией наследия. Позже та же логика была перенесена на более широкий масштаб — на власть над смыслами, над сознанием тех, кто оказывался рядом. Архив как ресурс, «Русский мир» как проект, методология как инструмент — во всех случаях речь шла об одном: о присвоении и контроле. Космополитическая направленность его концепции не предполагала приоритета российской государственности и суверенитета — она была ориентирована на транснациональные сети, в которых Россия — лишь один из элементов, а не центр. И когда этот центр попытался утвердить себя вопреки логике транснационального проекта, Петр Щ. сделал выбор, который был предопределён всей его предшествующей деятельностью: он покинул Россию и занял позицию, враждебную её государственности.

Раскол методологического сообщества по идеологическим основаниям

После событий 2014 года и начала СВО в методологическом сообществе произошёл раскол по идеологическим основаниям [1]. С одной стороны — Петр Щ. и его последователи, у которых сформировался «западнический» взгляд на историю и будущее развития России. С другой — группа методологов, опирающихся на выученный урок истории России, её народа и государства в их взаимоотношениях как государства-цивилизации [1; 6].

«Раскол методологов в России по ценностным основаниям можно считать закономерным этапом развития СМД методологии» [1]. Западнический взгляд отвергает тысячелетнюю традицию российской государственности и претензии на роль «Третьего Рима» и «государства-цивилизации», а также ту «всемирную отзывчивость», которая позволяла усаживать за один стол разные народы [1].

Последствия деятельности учеников Петра Щ. проявились в конкретных социальных и политических практиках. Одна из его учениц начала продвигать тьюторство западно-либерального толка, «создавая секты, упиваясь властью, поборами и калеча молодежь» — за что её вынесли из педагогического университета 100% голосованием. Другая самоопределилась как фашистка в телеграм-канале, тем самым демонстрируя, что само слово «фашистка» для неё — пустой знак, лишённый того содержания, которое в него вкладывают антифашисты, и используемый исключительно как инструмент провокации и саморекламы. Показательно и то, что Петр Щ. сделал Чтения памяти Г.П. Щедровицкого закрытыми и платными, фактически отрезав методологическое сообщество от публичного доступа к наследию основателя ММК. Этот шаг стал символическим завершением процесса коммерциализации: традиция, которая была общей, превратилась в частное мероприятие, доступ к которому определяется не принадлежностью к сообществу, а платёжеспособностью. Третий в Крыму «натворил дел», после СВО сбежал за границу и стал автором антироссийского канала. Четвёртый — спонсор фонда, бывший чиновник высокого ранга — также сбежал за границу.

Таким образом, раскол в методологическом сообществе — это не просто теоретическое разногласие. Это конкретный социальный и политический разрыв, имеющий своих носителей, свои институциональные формы и свои последствия для России.

Онтологический враг: критерии и диагностика

Враг России в информационном, культурном, политическом, методологическом и интеллектуальном пространстве — тот, кто продвигает в России западно-либеральные концепции и ценности стран НАТО, направленные на разрушение России, кто дискредитирует тех, кто его разоблачает, распространяет ложь и клевету о России, прикрываясь схемами МД [1].

Онтологический, а значит консциентальный враг — это не просто оппонент или идейный противник. Это субъект, чья онтологическая картина мира принципиально несовместима с существованием России как суверенной цивилизации. Критерии такого врага:

- отрицание российской государственности как таковой;
- трактовка России как «колониального государства», а русских — как «продукта колонизации»;

- использование методологического аппарата для легитимации западно-либеральных моделей управления;
- сознательный выбор позиции, враждебной суверенному развитию России и её безопасности;
- публичное участие в информационной войне против России, включая рекомендации перечитывать «Майн Кампф» для понимания СВО.

Важно различать: Петр Щ. — не предатель, а **консциентальный враг**. Предатель переходит на сторону противника из корыстных или ситуативных соображений. Консциентальный враг занимает враждебную позицию сознательно и последовательно, исходя из глубинных онтологических установок [1]. Враг не теряет способности рационально мыслить, но мысль и слово его направлены против России.

Диагностика онтологического врага требует не эмоциональной оценки, а методологического анализа: выявления онтологических допущений, ценностных оснований и логики действия, которые ведут к разрушению российской государственности. Инструментарий такой диагностики включает: анализ публичных текстов и выступлений; реконструкцию онтологических предпосылок; выявление скрытых ценностных установок; сопоставление деклараций и реальных действий.

Политический оппонент действует в рамках общей онтологической картины, оспаривая конкретные решения или институты. Онтологический враг отрицает саму онтологию России как суверенной цивилизации. Его борьба направлена не на изменение политического курса, а на разрушение субъектности России.

Таким образом, диагностика онтологического врага — это не политическая акция, а интеллектуальная процедура, требующая методологической строгости. Именно эту процедуру должно освоить методологическое сообщество, чтобы защитить интеллектуальное пространство России от идеологических диверсий.

Заключение

Проведённый СМД-конфликтологический анализ позволяет сделать несколько выводов.

Первый. Конфликт вокруг Архива ММК стал не просто семейно-правовым казусом, а диагностикой глубинного ценностного и идеологического раскола в методологическом

сообществе. В этом конфликте проявилась установка, которая впоследствии определила траекторию Петра Щ.: подмена «наследия» «наследством», общего достояния — частной собственностью, интеллектуальной преемственности — коммерческим интересом.

Второй. Методологический аппарат Г.П. Щедровицкого, содержащий онтологическую уязвимость (понимание человека как «материала»), был инструментализирован Петром Щ. и превращён в технологию управления, коммерциализации и идеологического обслуживания западно-либеральных проектов. ОДИ стали не пространством мышления, а инструментом манипуляции; проблематизация — риторикой; методология — софизмом. Пётр — талантливый коммерсант, но не философ и не методолог; он — гуманитарный технолог-разрушитель, использующий методологический аппарат для манипуляции, коммерциализации и обслуживания внешних по отношению к России интересов.

Третий. Концепция «Русского мира», разработанная коллективно, была приватизирована Петром Щ., а затем, после начала СВО, отброшена им как инструмент, утративший коммерческую и политическую выгоду. Его переход в русофобский лагерь не был случайным — он закономерно вытекал из космополитической и транснациональной направленности его версии «Русского мира», которая не предполагала приоритета российской государственности и суверенитета.

Четвёртый. Раскол методологического сообщества по идеологическим основаниям — это не временное разногласие, а закономерный этап развития СМД-методологии. Он обнажил принципиальное различие между теми, для кого методология остаётся инструментом мышления и развития России, и теми, кто превратил её в инструмент коммерции и государственного демонтажа.

Пятый. Петр Щ. — не предатель, а констициальный враг. Его последовательная позиция, враждебная российской государственности, вытекает из глубинных онтологических установок, которые проявились уже в конфликте вокруг Архива ММК и получили завершение в его публичной русофобской позиции после 2022 года.

Шестой. В конфликте вокруг Архива ММК и в последующей эволюции Петра Щ. проявился закон рационального расчёта (экзистенциального эгоизма), сформулированный Зиновьевым: в ситуации борьбы за ресурсы интерес и выгода становятся основополагающими в принятии решений и действий. То, что начиналось как интеллектуальная преемственность, было разрушено: наследие оказалось заброшенным. После начала СВО Петр Щ. выехал в Латвию,

которая считает Россию своим врагом. Наследства у его отца не было — была коллективная интеллектуальная традиция, которую Петр III превратил в частный ресурс, а затем покинул страну, оставив за собой только коммерческий бренд.

Зиновьев А.А. писал, что Россия должна «переумнить» Запад и сохранить интеллект как оплот российских ценностей. Переумнить идеологического врага — задача, которая требует не политических, а методологических и онтологических средств. Консциентальная война срока и границ не имеет.

Список литературы

1. Винник Д. Кто вы, мистер Щедровицкий? // Завтра. — 2022. — 8 ноября.
2. Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское // Русский журнал. — 2000. — 2 марта.
3. Зиновьев А.А. Глобальный человек. — М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. — 448 с.
4. Минасян Л.А. О софистике // Философские науки. — 2015. — № 2. — С. 34–48.
5. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. — М.: Центрполиграф, 1994.
6. «Русский мир» в научном дискурсе: основные подходы и противоречия [Электронный ресурс] // wiki.istmat.org. — URL: <http://wiki.istmat.org> (дата обращения: 26.06.2026).
7. Громько Ю.В. Собрание русского мира, или На задворках СНГ-дипломатии? // Российское аналитическое обозрение. — 1998. — № 8-9.
8. Щедровицкий П.Г. Русский мир и Транснациональное русское [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал. — 2006. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2508> (дата обращения: 26.06.2026).
9. Некоммерческий научный фонд «Институт развития имени Г.П. Щедровицкого» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Фонда. — URL: <http://www.fondgp.ru/fond/> (дата обращения: 26.06.2026).
10. Интерпретируя «русский мир» [Электронный ресурс] // РИСУ. — 2015. — 20 февраля. — URL: https://risu.ua/ru/interpretiruya-russkiy-mir_n73122 (дата обращения: 26.06.2026).

11. Palladium. Франкенштейны «Русского мира». — 2024. — DOI: 10.55167/5546832ab79f.
12. Розин В.М. Проблемы методологического движения // Идеи и идеалы. — 2023. — Т. 15, № 1, часть 1. — С. 176–196.
13. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995. — 800 с.
14. Цой Л.Н. Деградация игр после ОДИ: конфликт в игре и переход коммунального конфликта за пределы игры — показатель непрофессионализма ведущего игры [Электронный ресурс] // Московская Школа Конфликтологии. — 2017. — 5 февраля. — URL: <https://conflictmanagement.ru/2017/02/05/degradatsiya-igr-posle-odi-konflikt-s-vedushhim-modulya/> (дата обращения: 26.06.2026).
15. Мучительная (или Парадоксальная) прививка смыслом: философия управленческого опыта [Электронный ресурс] // Московская Школа Конфликтологии. — 2026. — 16 февраля. — URL: <https://conflictmanagement.ru/2026/02/16/muchitelnaya-ili-paradoksalnaya-privivka-smyslom-filosofiya-upravlencheskogo-opyta/> (дата обращения: 26.06.2026).
16. Открытое письмо участников ММК «Всем участникам методологического движения в России и за рубежом» [Электронный ресурс] // Фонд им. Г.П. Щедровицкого. — 2007. — URL: http://fondgp.ru/old/fond/news/38/Otkrytoe_pisqmo.htm (дата обращения: 26.06.2026).
17. Взгляд на конфликт по поводу Архива ММК и Г.П. Щедровицкого [Электронный ресурс] // Московская Школа Конфликтологии. — URL: <https://conflictmanagement.ru/vzglyad-na-konflikt-po-povodu-arhiva-g-p-shhedrovitskogo/> (дата обращения: 26.06.2026).
18. Первое и Второе письмо Льва Щедровицкого методологическому сообществу [Электронный ресурс] // Московская Школа Конфликтологии. — 2016. — URL: <https://conflictmanagement.ru/> (дата обращения: 26.06.2026).
19. Левинтов А.Е. Раскол в методологическом сообществе (Россия, 60-е годы) [Электронный ресурс] // Московская Школа Конфликтологии. — URL: <https://conflictmanagement.ru/> (дата обращения: 26.06.2026).

20. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Мысль, 1994. — Т. 3. — С. 79–420.
21. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4. — С. 376–644.
22. Видеркер В.В. Проблема человека в СМД-методологии Г.П. Щедровицкого // Человек.RU. — 2015. — № 10. — С. 116–125.
23. Грязнова Ю.Б. Антропологический дискурс в СМД-методологии Г.П. Щедровицкого // Философская мысль. — 2019. — № 3. — С. 45–58.
24. Данилова В.Л. Проблема человека в наследии Г.П. Щедровицкого // Вопросы методологии. — 1998. — № 1-2. — С. 78–92.
25. Кузнецова Н.И. Методология и деятельность: к вопросу о границах // Философия и общество. — 2005. — № 3. — С. 112–125.
26. Содин С. Эволюция методологии Г.П. Щедровицкого: от теории деятельности к теории мыследеятельности // Вопросы методологии. — 1994. — № 1-2. — С. 5–18.
27. Радио Свобода. Петр Щедровицкий: «В России нет государства». — 2022. — 17 июля. — URL: <http://www.bogatej.ru/ostrie/petr-shchedrovickij-v-rossii-net-gosudarstva.html> (дата обращения: 26.06.2026).
28. TAdviser. Щедровицкий, Пётр Георгиевич (младший) [Электронный ресурс]. — URL: https://tadviser.com/index.php/Персона:Щедровицкий_Петр_Георгиевич (дата обращения: 26.06.2026).
29. Громько Ю.В. О трансформации проблематизации // Труды Московского методологического кружка. — М.: Школа Культурной Политики, 2000.
30. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. — М.: Экономика, 1989.
31. Локтионов М. Концепция идеального общества в творчестве Александра Богданова // Полилог. — 2021. — Т. 5, № 3.

32. Гельвих А.В. «Пролетарская наука» А.А. Богданова: коммуникативная утопия на службе утопии социальной // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2017. — № 4 (16).
33. Бабкова О.М. Человек как проект в творчестве Александра Богданова: философско-антропологический анализ // Вестник Челябинского государственного университета. — 2025. — № 8 (502).
34. Шарова В.Л. Театр в городе будущего: строительство и сотворчество // Городские исследования и практики. — 2024. — Т. 9, № 1.
35. Системный подход к организации: А.А. Богданов // МГУ им. Н.П. Огарёва.
36. Владимиров М. Политические взгляды Александра Богданова: истоки и уникальность // Полилог. — 2018. — Т. 2, № 4.
37. Андреев А.Л., Кузнецова Т.В. Теоретическое наследие А.А. Богданова // Философия и общество. — 2018. — № 1.
38. Савина Л.В. Проблема общественного идеала в социальных теориях русской школы философского права. — Тула: Гриф и К', 2002. — 115 с. — ISBN 5-8125-0257-9.
39. Горелов А.А., Горелова Т.А. Русская идея как духовно-социальный проект // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — № 3.
40. Богданов А.А. Тектология, или Всеобщая организационная наука // Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2004. — Т. 4.
41. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991.
42. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. — М.: Современник, 1981.
43. Соловьёв В.С. Русская идея // Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 2. — С. 219–247.
44. Бердяев Н.А. Русская идея. — М.: АСТ, 2007.
45. Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. — М.: Русская книга, 1993. — Т. 2, кн. 1. — С. 7–21.

46. Лосский Н.О. История русской философии. — М.: Высшая школа, 1991.
47. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Институт русской цивилизации, 2014.
48. Щедровицкий Г.П. Очерки истории становления СМД-методологии: конспекты лекций в МИСИ (1987–1988).
49. Козырев К. Памяти Александра Зиновьева. Часть третья // АПН. — 2006.
50. Обращение О.М. Зиновьевой к П.Г. Щедровицкому по случаю 80-летия Г.П. Щедровицкого // XV Чтения памяти Г.П. Щедровицкого. — 2009.
51. Садовский В.Н. Московский логический кружок // Вопросы философии. — 1995. — № 1. — С. 58–72.
52. Московский методологический кружок // Большая российская энциклопедия. — М., 2006.
53. О мышлении и стратегических сессиях // Сборник материалов методологических семинаров. — 2020.
54. Щедровицкий П.Г., Попов С.В. Игровое движение и организационно-деятельностные игры // Вопросы методологии. — 1994. — № 1-2. — С. 112–152.
55. Щедровицкий Г.П. Методология на грани: удержание целого через оппозицию самому себе (доклад 1985 г.) // Rutube. — 2025.
56. Левинтов А.Е. Рефлексия в методологическом движении: расщепление и утрата // Вопросы методологии. — 2010. — № 3. — С. 45–58.
57. Попов С.В. Организационно-деятельностные игры: мышление в "зоне риска". — Предисловие к Избранным трудам Г.П. Щедровицкого.

(Текст статьи нигде не опубликован. Представлен для сайта Московской школы конфликтологии)

26.06.2026 г.